

А. Н. Терёхина, А. И. Волковицкий

«В ТУНДРЕ ЭТО НЕ ТЕРПИТ»: ЗАМЕТКИ О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ «СВОЕЙ» КУЛЬТУРЫ НЕНЦАМИ ЯМАЛА*

АННОТАЦИЯ. Представлено несколько сюжетов, демонстрирующих, как поселковые и тундровые ненцы видят «правильную» культуру и варианты ее репрезентации, а также реализуют «право на культуру». Авторы, разделяя идеи о тесном взаимодействии «тундры» и «поселка», делятся наблюдениями и размышляют о разнице во взглядах этих сообществ на кочевой образ жизни и реальную практику, иллюстрируя подобные воззрения зарисовками из своего тундрового опыта, в том числе в контекстах употребления характеристики «терпит/не терпит», адресованной предметам, явлениям, поведению людей. Таким образом, сквозной линией статьи можно назвать тему «антрополог в поле», показывающей, какие трансформации происходят с внутренними ощущениями самих исследователей, их взглядами на собственный статус в ненецком сообществе и его подвижность. Особое внимание уделяется кино, которое в полевой работе стало своеобразным инструментарием, позволяющим исследовать отдельные личные, групповые и коллективные эмоции арктических кочевников. Статья основана на материалах годичной полевой работы, проходившей на полуострове Ямал в 2015–2016 гг. в семьях оленеводов-частников ярсалинской тундры, кочующих в междуречье рек Юрибей и Мордыяха.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ненцы, Ямал, кочевники, оленеводы, национальная интеллигенция, презентация культуры, антрополог в поле

УДК 39(=511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2018-2-193-200

ТЕРЁХИНА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВНА — м.н.с. отдела этнографии Сибири, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: arda-gavanj@mail.ru

ВОЛКОВИЦКИЙ АЛЕКСАНДР ИГОРЕВИЧ — ассоциированный научный сотрудник Центра арктических и сибирских исследований, Социологический институт Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: arda-gavanj@mail.ru

* Половина статьи подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00309 «Энергия Арктики и Сибири: использование ресурсов в контексте социально-экономических и экологических изменений» (рук. В. Н. Давыдов).

Статья основана на материалах экспедиции, проводившейся на территории Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа в 2015–2016 гг. В течение годовой полевой работы мы жили в ненецкой семье оленеводов-частников, кочующих на северо-западе полуострова Ямал, в между-речье рек Юрибей и Мордыяха (ПМА 2015–2016).¹

Тема статьи возникла непосредственно в ярсалинской тундре где-то в промежутках между касла-ниями, сборкой и разборкой чума, на длинных перегонах в «буранных» саях. Сейчас, не исключено, мы бы не стали смешивать в одном тексте проблемы, которые, как может показаться, не связаны между собой. Тем не менее мы решили сформулировать наш первоначальный, пусть и немного спон-танный посыл, так как он важен для рефлексии ощущений антрополога в поле. Мы хотели бы пред-ложить к рассмотрению несколько сюжетов, демонстрирующих, как поселковые и кочующие ненцы видят «правильную» культуру и варианты ее репрезентации, а также реализуют «право на культуру».

Отправной точкой для наших рассуждений стало кино. Заметим, что кино, шире — телевиде-ние (а в перспективе и интернет), в культуре коренных народов Севера фигурирует в работах ан-тропологов как одно из серьезных проявлений глобализации и представляет собой самостоятель-ную тему для исследований (см., например: Головнёв и др. 2015: 64–65; Надь 2013; Graburn 1982). «Тундровой кинозал» в ненецком чуме оказывается актуальным феноменом, провоцирующим са-мые разнообразные эмоции.

Оленеводы при наличии бензина, необходимого для работы генератора, телевизора или ноут-бука, смотрят прежде всего художественные фильмы. Каждая новая кинолента воспринимается с интересом, получает свою порцию комментариев и оценок поведения героев в зависимости от темперамента зрителей. В то же время на протяжении годового кочевания мы обратили внимание, что у наших хозяев и их соседей отсутствует в полной мере «топик», характерный, например, для более привычной нам городской среды. Несмотря на любовь к кинематографу, тундровики чрезвы-чайно редко обсуждают фильмы после просмотра и, как правило, не занимаются рекламой или антирекламой тех или иных картин, не ранжируют их, принимая во внимание актерский состав, тем более режиссера.

В последние годы, судя по нашим наблюдениям, лишь один фильм стал своеобразным исклю-чением. Речь идет о снятой в 2014 г. картине В. И. Тумаева «Белый ягель». Фильм представляет собой авторскую экранизацию повестей ненецкой писательницы А. П. Неркаги, переносящую сю-жет рубежа 1960–1970-х гг. в наши дни. Картина не шла в прокате, но на Ямале демонстрировалась и вплоть до настоящего времени регулярно показывается на праздниках и народных гуляньях, распространяется на дисках и т. д. С момента выхода кино представлялось как подлинный взгляд на современную культуру ямальских ненцев и, судя по всему, таковым и остается в глазах город-ского населения Ямало-Ненецкого автономного округа и других регионов России. Мы воздержим-ся от личных оценок этого фильма, учитывая, что некоторые наши ямальские знакомые участвова-ли в съемках, и сосредоточимся на реакциях разных людей и групп населения.

«Вы смотрели “Белый ягель”?» — один из распространенных вопросов в коммуникации меж-ду людьми в тундре, которые нам доводилось неоднократно слышать в последние годы. Обсужде-ние этого фильма стало обычной темой для разговоров тундровиков между собой, и, отметим, та-кие беседы всегда носили весьма экспрессивный характер. Показательно, что многие оленеводы

¹ Мы благодарим за поддержку в проведении полевой работы Музей кочевой культуры, департаменты образования, науки и ин-новаций, связи и информационных технологий Ямало-Ненецкого автономного округа, НП «Межрегиональный экспедицион-ный центр “Арктика”», Ямальское районное общественное движение коренных малочисленных народов Севера «Ямал» (Яр-Сале), а также родственников, друзей, коллег и всех сочувствующих.

фильма не видели (в чем сами и признавались), но строили свои оценки на чьих-то суждениях, при этом воспроизводя из картины подробные описания целых сцен. Иными словами, в отличие от других фильмов, многие кочевники Ямала не только смотрели «Белый ягель», но и пересказывали соседям, а те, в свою очередь, уже транслировали этот пересказ, но с готовыми оценочными характеристиками.

«Белый ягель» изначально позиционировался как художественный фильм, абсолютно достоверный с точки зрения этнографии. Его начали снимать прямо в тундре, задействуя ненцев в масровке и эпизодах. Профессиональные актеры — буряты, калмыки, якуты, игравшие ямальцев, в фильме говорят на ненецком языке, произношение которого им ставили поселковые ненцы, выступавшие основными консультантами по ненецкой культуре и быту оленеводов.

Вся эта масштабная работа съемочной группы заслужила однозначно критические отзывы самих тундровиков. Надо сказать, они не фокусировались лишь на неправильно переданных реалиях, например, материальной культуры. В ярсалинской тундре общеупотребительным стал фразеологизм *Белый ягель'не* (ненецк. «женщина из “Белого ягеля”»), отсылающий аудиторию к языку тела актрисы, игравшей главную героиню, которая в кадре двигается, на взгляд наших ямальских собеседников, совершенно не по-ненецки: стол не так ставит, на нарте едет неправильно и пр.

Наряду с такими в общем-то ироничными оценками, все наши информанты весьма негативно и эмоционально высказывались в связи с «откровенными», а значит, абсолютно неприемлемыми с их точки зрения, сценами в фильме (отметим, откровенными — по мнению тундровиков, для которых интимность в публичном пространстве вообще табуирована). В наибольшей степени оленеводов задела сцена, балансирующая на границе стыда и переходившая ее: обнаженная ненецкая невеста, ожидающая в чуме своего молодого мужа. Как формулировали наши собеседники, «такого» в тундре не бывает, и само наличие этих кадров в фильме попросту позорит всех ненцев: «Люди посмотрят этот фильм и будут думать, что все женщины так в тундре себя ведут» (ПМА 2015–2016).

Надо подчеркнуть, что однозначная критика «Белого ягеля» тундровиками кажется тем более странной (или, если угодно, показательной) на фоне совершенно другой реакции на фильм в поселковой и в городской среде. Речь идет даже не о рецензиях столичных кинокритиков, в которых абсолютно рельефно проявились все стереотипы о коренных народах Севера. В округе, как ни парадоксально, картина понравилась не только «русскому» населению в Салехарде или районном центре Яр-Сале, но и части поселковых ненцев, причем даже тем, которые родились и провели детство в тундре. Положительные отзывы в первую очередь можно было услышать от мужчин, тогда как поселковые и городские ненки чаще были солидарны с тундровыми оценками.

О двух вариантах или проявлениях ненецкой культуры — поселковой и тундровой (или кочевой) упоминает практически вся литература о современных ненцах. Е. В. Лярская, размышляя об этих двух сценариях жизни, уже ставших нормой, предлагает рассматривать ямальских ненцев как единое сообщество, а не как две отдельные группы «тундровиков» и «поселковых» (Лярская 2001; 2016). Устойчиво и гармонично сложившиеся связи, множество форм взаимодействия оленеводов и их поселковых родственников и друзей не вызывают никаких сомнений, поэтому мы полностью разделяем идею об отсутствии четкой границы. Вместе с тем мы сами не только оказались свидетелями, но и ощутили на себе разницу во взглядах поселковых и тундровых ненцев на кочевую жизнь.

Несмотря на то что мы проводили исследования на Ямале с 2008 г., опыта протяженных экспедиций, особенно в зимнее время, у нас не было. При подготовке к длительному полю нам необходимо было обзавестись меховой одеждой, нартами и рядом других вещей, входивших в своеобразный

«райдер», предъявленный нашими кочевыми хозяевами паре луца,² едущих в тундру на год. Обстоятельства сложились так, что помочь в сборе всего необходимого взялись поселковые ненцы — представители, как принято обозначать эту группу, национальной интеллигенции, и определенный «политес» требовал эту помощь принять. Таким образом, в подготовке к экспедиции нас консультировали люди, родившиеся в тундре, но всю жизнь прожившие в поселке (как это было и в случае консультантов «Белого ягеля»). Наши поселковые помощники категориально правильно составили полный список необходимых вещей, вплоть до демисезонной одежды, но во многих случаях не соотнесли качество изделий и их функциональность.

Приведем несколько примеров, касающихся приобретения зимней ненецкой одежды, сшитой, к слову, поселковыми мастерами, имеющими тесные связи с тундровым населением. Купленные зимние малица и ягушка (мужская и женская верхняя одежда) представляли собой настоящие произведения искусства, однако с ними был связан ряд проблем, с которым мы столкнулись уже в тундре. Выполняя повседневную ненецкую работу на протяжении года, мы на себе почувствовали разные техники тела арктических кочевников. Участие во всех хозяйственных, социальных и сакральных сторонах жизни кочевой семьи позволило буквально физически понять разницу между тундровым и поселковым видением быта оленеводов. Теплая поселковая малица имела подол более короткий, чем шьют своим мужчинам ямальские тундровички. Поездив на снегоходе и в прикрепляемых к нему «буранных» санях, А. Волковицкий ощутил, насколько важен длинный подол, спасающий от холодного ветра. Другие важные предметы мужской одежды, которые игнорировали наши поселковые «интенданты», — несколько пар меховых чулок (*тобак*), необходимых в ежедневном обиходе, чтобы их можно было регулярно менять, высушивая по очереди.

Вторая зарисовка связана с женской зимней одеждой. Нам предложили купить дорогую ягушку из белых оленьих шкур с полосками бобрового меха. Этот парадный вариант женского костюма в тундре обычно носят, только выезжая на праздники или в гости в другой чум. В поселке нам объяснили: приезжая исследовательница должна выглядеть красиво, чтобы достойно смотреться среди тундровых женщин. Кроме того, А. Терёхиной отдали рабочую, уже поношенную ягушку (*хорэця*), в которой она в итоге и проходила большую часть холодных месяцев, поскольку в этой одежде было гораздо удобнее заниматься бытовыми делами. Теплая белая ягушка надевалась только в морозы и во время путешествий на снегоходе.

С ягушкой связан еще один сюжет, иллюстрирующий нашу «поселковую» подготовку. Приезжая раньше в тундру ненадолго, А. Терёхина всегда привозила с собой спальный мешок. Хозяева обычно не высказывали никаких нареканий на этот счет, хотя сами ненцы используют ночью специальные ягушки для сна. В этот раз мы взяли с собой теплые спальные, одобренные нашими поселковыми консультантами. Однажды, по прошествии примерно двух недель после заезда в чум, когда мужчины уехали на священное место, женщины устроили небольшое собрание. Они объяснили, что в стаде начали худеть олени, потому что Александра спит в спальном мешке, чем нарушает женские запреты. В ненецкой культуре существует комплекс представлений, связанных с женской сакральной нечистотой. Женщине с наступлением фертильного возраста нельзя перешагивать через вещи (особенно связанные с оленеводством), наступать на постели в чуме; она должна хранить свою обувь, штаны и белье в отдельном «мешочке», перевозить его во время перекочетов на «поганой» нарте *сябу* (подробнее об этом: Лярская 2005; Харючи 2001: 156–161 и др.) и строго исполнять ряд других предписаний. Считается, что от соблюдения этих правил зависит благополучие

² Луца — ненецк. «русский», в широком смысле — не ненец и не представитель соседей, для которых в ненецком языке существуют этнонимы.

стада и членов семьи. Когда А. Терёхина поначалу спала в спальном мешке, его, как и другие ночные принадлежности, каждое утро нужно было сворачивать и складывать в изголовье постели — так велели делать хозяева (предполагаем, что в первое время они сами раздумывали, как лучше поступить в этой ситуации). Проблема заключалась в том, что Александра залезла в него с ногами, то есть делала его «нечистым», а потом складывала на постель, куда ногами женщинам наступать запрещено. Если же убирать спальник в «поганый мешочек», то последний уже нельзя было бы положить на постель. Такой клубок противоречий привел к семейному решению, сформулированному так: «Спи нормально, под ягушкой, как в тундре принято». В итоге весь год, кроме теплых летних ночей, нам приходилось использовать от безвыходности парадную ягушку из белых шкур. К слову, такую одежду женщины стараются не заносить в чум, бережно храня на улице в нартах, чтобы шкуры не темнели от дыма и не линяли от перепада температуры. В связи с этим наши хозяева, а потом и мы, переняв определенные ненецкие воззрения, очень жалели красивую вещь, используемую не по назначению. Дело не только в том, что мы буквально всем чумом жалели престижную одежду. Эта групповая эмоция содержала и сугубо оленеводческий посыл: тундровики часто рассуждали, как долго нужно копить шкуры редких оленей белой масти для такой праздничной ягушки. По мнению хозяйки, рациональнее было приобрести за те же деньги две ягушки из темных шкур вместо одной белой.

За год кочевания нам неоднократно приходилось слышать по отношению к себе или другим людям фразу «в тундре это не терпит», являющуюся вольным переводом с ненецкого *хойхана тюку нида пират*. Впервые, пожалуй, на это выражение обратил внимание В. П. Евладов, который его настолько усвоил, что использовал даже в письме М. И. Калинину (Евладов 1992: 93, 137, 161; 2008: 123, 124, 134, 137, 269). Контексты его употребления условно можно разделить на две группы: утилитарные и поведенческие. Утилитарные, или рациональные, связаны с использованием конкретных предметов и бытовыми практиками, например «русская одежда в тундре не терпит» (имеются в виду зимние куртки — в них можно замерзнуть), «этот топор не терпит», что значит плохо наточен, никуда не годится или не подходит именно этот топор для конкретной работы.

Другое назначение этого оборота — определять правила и границы поведения в рамках тундровой ненецкой культуры. К примеру, «в тундре женщинам в штанах ходить не терпит — надо платье надевать» или, как в нашей ситуации, «в тундре в спальнике спать не терпит». Сравнивая с опытом наших прошлых полевых исследований, мы заметили, что когда антрополог приезжает ненадолго, имея статус гостя, он может услышать в свой адрес в основном высказывания из первой группы, тогда как замечания по поводу поведенческих границ ему не озвучивают напрямую или говорят в крайних случаях, когда ученый нарушает какой-то серьезный запрет. Во время длительного пребывания нашим хозяевам важно было, чтобы мы во всем следовали поведению, соответствующему кочевому образу жизни.

В целом ряде случаев вынесение вердикта «не терпит» подразумевало противопоставление поселковому или городскому образу жизни: короткая малица не терпит в тундре, но подходит для поселкового рыбака; парадная ягушка уместна на Дне оленевода в поселке, но не годится для повседневной работы на стойбище; фильм о ненцах понравился городскому населению и тиражируется представителями национальной интеллигенции, но воспринят в штыки среди оленеводов из-за грубого нарушения поведенческих границ героями и т. д.

Ненецкие лидеры (чиновники, общественные деятели, артисты, работники сферы образования) в регионе выражают интересы населения, продолжающего заниматься традиционными видами хозяйства, репрезентуя ненецкую культуру в публичных сферах и способствуя ее фиксации и сохране-

нию (Бурыкин 1999). Нередко отдельные представители национальной интеллигенции претендуют на исключительное право на знание ненецкой культуры и довольно ревностно его отстаивают. Небольшая иллюстрация: по возвращении со стойбища у нас с поселковой ненкой (публичной фигурой) возник спор по поводу использования арканов. Нам навязывали мнение, что общеупотребительные на Ямале летом пластиковые финские лассо — явление моды, что подразумевает негативные коннотации как пример отхода от «традиционной культуры», едва ли не капитуляция перед глобализацией. Тундровики, напротив, очень детально разъяснили нам, какие преимущества пластиковое лассо имеет в теплое время года перед традиционным кожаным *тынзя*, который, кстати, без особых альтернатив используется зимой. В итоге дискуссия была сведена к фразе: «Не думайте, что, прожив год в тундре, вы хоть что-то начали понимать». Поспорить с этим трудно, но очевидно, что ключевым в высказанной позиции стали принадлежность нашего оппонента к этнической группе, кочевое происхождение и высокий статус в сообществе, при том что именно взгляд из тундры, транслированный нами в диалоге, игнорировался априори: во-первых, потому что его озвучили мы, во-вторых, реальная практика вошла в противоречие с презентуемой обычно традицией.

В дискурсивном поле «истинная» ненецкая культура связывается именно с кочевой жизнью оленеводов. Парадоксально, но несмотря на то что представители интеллигенции в детском возрасте уехали в школу-интернат, приезжая в родной чум в основном только на каникулы, впоследствии получили образование и остались жить в поселке, некоторые из них патерналистски объясняют кочевникам, как «правильно» жить в тундре и пасти оленей. Помимо лассо, другой пример таких заочных дискуссий — целый спектр фобий, касающихся работы в стаде на снегоходах, из-за чего олень становится пуганый. Сами же тундровые пастухи с иронией реагируют на оба мнения (о лассо и снегоходах), поскольку эти некогда чуждые элементы материальной культуры ныне прочно вошли в практику ямальского оленеводства, да и в литературе негативные следствия внедрения снегоходов давно развенчаны (Ingold 1976: 36–37).

Реакция тундровиков на поселковых ненцев зачастую сводится к эмоциональному «они же ничего не понимают в тундровой жизни!» Удивительно, что его не стеснялись высказывать нам. Более того, когда на стойбище приезжали поселковые родственники, члены семьи откровенно иронично перемигивались с нами, наблюдая за их активностью в тундре. Иными словами, антропологи, на протяжении длительного срока разделявшие все условия кочевого быта и максимально встроенные в «тундровую систему», воспринимались кочевыми ненцами более «понимающими».

Размышляя над озвученными выше сюжетами, хотелось бы поставить важную, на наш взгляд, проблему. Приезжая раньше в тундру на короткие сроки, мы практически не обращали внимания на многие противоречия, существующие между представлениями о «правильности» кочевой жизни у тундровиков и поселковых жителей. Увидев реакции оленеводов и ощутив на себе, в буквальном смысле физически, множество нюансов, связанных с пониманием современных тундровых практик, мы задумались о том, что подобные противоречия могут проявляться и в более значимых сферах, на которые влияют лидеры аборигенного сообщества. Дискомфорт антропологов в поле в конце концов это их личная проблема, но есть, например, правовая сфера, государственное планирование, связанное с оленеводством, или, к примеру, область образования, в которой в округе разрабатываются масштабные программы этнокультурной направленности. В этих сферах у ряда аборигенных лидеров зачастую проявляется тенденция к консервации культуры по лекалам своего детства и юности. Мы глубоко уважаем представителей ненецкой интеллигенции и нисколько не желаем умалить их вклад в развитие своего региона и популяризацию национальной культуры. Вместе с тем хотелось бы акцентировать внимание на высокой динамичности кочевой жизни ямальских оленеводов, наряду с

неизменностью многих традиционных хозяйственных и культурных практик. Вероятно, необходим оптимальный механизм связи кочевого населения и аборигенных лидеров, актуализирующий современную ситуацию и культурные трансформации в тундре.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2015–2016. Ямальский район, Ямало-Ненецкий автономный округ.
- Бурыкин А. А. «Женское лицо» интеллигенции современных малочисленных народов Севера России и его взгляд на традиционную культуру // Женщина в мире мужской культуры: путь к себе: материалы междунар. науч. конф. 15–17 июля 1999 г. СПб., 1999. С. 39–42.
- Евладов В. П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992.
- Евладов В. П. Полярная зимовка: Северо-Обская ихтиологическая экспедиция Всесоюзного арктического института 1935–1936 годов. Екатеринбург, 2008.
- Головнёв А. В., Перевалова Е. В., Абрамов И. В., Куканов Д. А., Рогова А. С., Усенюк С. Г. Кочевники Арктики: текстово-визуальные миниатюры. Екатеринбург, 2015.
- Лярская Е. В. Культурная ассимиляция или два варианта культуры? (на примере ненцев Ямала) // Антропология. Фольклористика. Лингвистика. СПб., 2001. Вып. 1. С. 36–55.
- Лярская Е. В. Женские запреты и комплекс представлений о нечистоте у ненцев // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 317–326.
- Лярская Е. В. «Кому-то тоже надо и в городе жить...»: некоторые особенности трансформации социальной структуры ненцев Ямала // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 54–70.
- Надь З. Телевидение и проблемы интерпретации культурных явлений у васюганских хантов // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 24–36.
- Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века). Томск, 2001.
- Graburn N. H. H. Television and the Canadian Inuit // Etudes Inuit Studies. 1982. № 6 (1). P. 7–17.
- Ingold T. The Skolt Lapps Today. Cambridge, 1976.

**“V TUNDRE ETO NE TERPIT”:
NOTES ON THE YAMAL NENETS REPRESENTATIONS OF THEIR CULTURE**

ABSTRACT. The paper presents several cases demonstrating how both sedentarized and nomadic Nenets imagine a “proper” culture and variations of its representation, and how they exercise their “right for the culture”. Sharing the ideas about the close interaction between “the tundra” and “the settlement”, the authors reflect on the diversity of the views of these communities upon nomadic life and illustrate these views with sketches from their own tundra experiences. Those include the contexts of using the “terpit/ne terpit” (lit. does not tolerate) characteristic which can be applied to objects, phenomena, or human behavior. The cross-cutting theme of the article appears to be that of “an anthologist in the field”, which highlights the transformation of the researchers’ inner feelings, their understanding of their own position in the Nenets society and its flexibility. Particular attention is paid to cinema, which, as a special research tool, allowed the scholars to explore individual, group and collective emotions of the Arctic nomads. The article is based on the data obtained during the year long fieldwork on the Yamal Peninsula in 2015–2016 in the families of private reindeer herders of Yarsalinskaya tundra who roam in between the rivers of Yuribey and Mordyakha.

KEYWORDS: Nenets, Yamal, nomads, reindeer herders, national intelligentsia, cultural representation, anthropological fieldwork

ALEXANDRA N. TEREKHINA — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)

E-mail: arda-gavanj@mail.ru

ALEXANDER I. VOLKOVITSKIY — the Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)